

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЗВОНКИХ И ГЛУХИХ СОГЛАСНЫХ РУССКОГО И ЯПОНСКОГО ЯЗЫКОВ

В.В. Черенко

*Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка Медицинского института
e-mail: haul13@gmail.com*

Российский университет дружбы народов

Статья посвящена результатам сопоставительно-типологического описания звонких и глухих согласных русского и японского языков. В ходе анализа было выявлено, что, несмотря на кажущееся сходство в инвентаре, и, следовательно, в фонологической системе и артикуляционной базе согласных русского и японского языков, озвончение и оглушение в русском и японском языках имеет разную природу.

Ключевые слова: *сопоставительно-типологическое языкознание, русская фонетика, японская фонетика, звонкие и глухие согласные, озвончение, оглушение, рэндаку.*

Сопоставление сегментной фонетики русского и японского языков – достаточно новая и мало разработанная тема в отечественном языкознании. Оба языка рассматривались во многих работах самостоятельно, однако в типологическом освещении встречаются лишь в единичных вариантах. На сегодняшний день очень актуальными являются работы, которые описывают не только теорию вопроса, но и дают фундамент для дальнейшего практического применения материала при проведении фонетического эксперимента.

В течение XX века в русском и японском языках произошли изменения ряда звуковых явлений, вызванных естественным развитием звукового строя под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов. Изменения коснулись и фонологической системы, и артикуляционной базы обоих языков. Так, например, в начале XX века инвентарь русских согласных представляется в концепциях Московской фонологической школы и Ленинградской фонологической школы по-разному, в связи с этим общее количество согласных имело разный состав в разных школах. Согласно Г. Пинтеру [Pintér 2015], за последние 100 лет в области консонантизма в японском языке появилось 13 новых фонотактических сочетаний; в другой лингвистической научной литературе уже не раз подчеркивалась самостоятельность согласных [d'], [w'] и др., появившихся в XX в. в новых фонотактических сочетаниях [Алпатов, Вардуль, Старостин 2000; Kubozono 2015 и др.]. Ниже мы

По данным научной литературы по общей фонетике, действие голосовых связок, необходимое для образования голоса, совершенно не зависит от действия органов произношения, находящихся в надгортанных полостях, точно также как действие последних не зависит от того, колеблются голосовые связки или находятся в состоянии покоя. Поэтому любое движение любого органа произношения, за исключением, разумеется, самих голосовых связок, может сопровождаться вибрацией голосовых связок, благодаря которым возникает голос, и может быть осуществлено при пассивном положении голосовых связок, т.е. без участия голоса. Вследствие этого звонкость или ее отсутствие (глухость) являются тем различительным фонематическим признаком, который очень широко распространен в большом числе языков земного шара. При произношении звонких согласных голос участвует на всем протяжении произнесения этих согласных, т.е. во время звучания характерного для них шума [Зиндер 1979: 126].

Так, по акустическому признаку соотношения шума и тона русские согласные противопоставлены как сонорные-шумные, а последние – как глухие-звонкие. В современном русском консонантизме имеются 9 сонорных: [м-м', н-н', л-л', р-р', j]; 22 шумных глухих и звонких согласных: [п-б, н'-б', ф-в, ф'-в', т-д, т'-д', с-з, с'-з', ш-ж, к-г, к'-г']. Кроме того, всегда глухими в сильных позициях являются фонемы [ц, ч', ш':, х-х'], которые, однако, способны озвончаться перед звонкими шумными (в отличие от «непарных» твердых-мягких, которые никогда не изменяют дифференциальный признак твердости-мягкости). Например: *плацдарм* [-дз-], *начдив* [-д'ж'-], *дочь больна* [-д'ж'-], *отец был* [-дз-], *плащ* [ж':] *зеленый, товарищ* [ж':] *Белов, смех звонкий* [см'ёу звóнк'ий] [Будник, Логинова 2012: 55].

В русском языке эти противопоставления функциональны, а не номинативны, так как в слабых позициях подвергаются нейтрализации, где совпадают в одном члене коррелятивной пары: либо в глухом (в конце слова и перед глухим согласным), либо в звонком (перед звонким шумным согласным). Вне этой корреляции находятся сонорные, которые по этой причине не могут считаться функционально звонкими, т.е. входить в один фонологический класс (подкласс) с шумными звонкими.

Согласно традиционным представлениям, в японском языке противопоставление по глухости-звонкости отличается от корреляции в русском языке. В основном это обусловлено тем, что звуковые соответствия имеют исторические корни и отражены в японском силлабарии *годзюон* (японской азбуке): постановка диакритического знака *нигори* [˘] в правом верхнем углу знака *каны* «переводит» слоги с глухим согласным «ПА (ХА), ПИ (ХИ), ПУ (ФУ), ПЭ (ХЭ), ПО (ХО)» в слоги со звонкими «БА, БИ, БУ, БЭ, БО», а «ЦУ» – в «ДЗУ» и «СИ» в «ДЗИ». При этом в японской графике для передачи знаков, соответствующих «ПА,

ПИ, ПУ, ПЭ, ПО», используется другой диакритический знак – ханнигори [°]. Он приписывается в правом верхнем углу литер: «ХА, ХИ, ФУ, ХЭ, ХО» [Рыбин 2011: 169–170].

По мнению Н.А. Сыромятникова, в японском языке имеются следующие пары согласных, соотносимых по глухости-звонкости [Сыромятников 1984: 694]:

- а) [к] – [г], например: [kake] ‘пару’ и [gake] ‘обрыв, круча, утес’;
- б) [к’] – [г’], например: [k’iton] ‘странный (необычный) вопрос’ и [g’iton] ‘вопрос, сомнение’;
- в) [т] – [д], например: [tenk’i] ‘погода’ и [denk’i] ‘электричество’;
- г) [х] – [б], например: [hosek’i] ‘драгоценный камень’ и [bosek’i] ‘могильная плита’;
- д) [х’] – [б’], например: [x’ir’ix’ir’i] ‘щиплет кожу’ и [b’ir’ib’ir’i] ‘изорвать в клочья’ или [x’ikoo] ‘полет’ и [b’ikoo] ‘ноздря’;
- е) [ʃ] – [ʧ], например: [ʃ’idai] ‘порядок, последовательность; причина, обстоятельства’ и [ʧ’idai] ‘эпоха, период, век; времена, годы’;
- ж) [s] – [ʧ], например: [swsʃme] ‘рекомендация’ и [swʧʃme] ‘воробей’.

Поскольку эти согласные не подвергаются нейтрализации (за неимением слабых позиций для них по акустическому признаку), их противопоставления можно считать чисто номинативными – по акустико-артикуляторным характеристикам, а не по функции в языке.

Противопоставление японских согласных по звонкости-глухости у Н.А. Сыромятникова отличается от противопоставления согласных по звонкости-глухости в русском языке. Если взять за основу таблицу согласных Л.Р. Зиндера «Основные типы согласных и некоторые знаки для них» (см. подр.: [Зиндер 1979: 150]) для всех языков мира и таблицы согласных русского и японского языка (см. табл. 1 и 2), то можно было бы предположить несколько иное противопоставление звонких и глухих согласных в японском языке: 11 сонорных: [m-m’, n-n’, r-r’, w-w’, ŋ-ŋ’, j], 14 шумных звонких и глухих согласных: [p-b, p’-b’, t-d, t’-d’, k-g, k’-g’, s-z]. Кроме того всегда глухими являются [ts, ʃ’, ʧ-ʧ’, ʃ’, h-x’], всегда звонкими – [ʧ, ʧ’].

Как известно, в потоке речи могут возникать стечения двух и более согласных, следующих друг за другом непосредственно. В этих сочетаниях согласные звуки оказывают друг на друга влияние: их артикуляции уподобляются друг другу и возникает так называемая **ассимиляция согласных по звонкости-глухости**. Рассмотрим **комбинаторные** и **позиционные изменения** согласных в потоке русской речи.

В русском языке в сочетании двух шумных согласных разных по глухости-звонкости ассимиляция происходит следующим образом: «звонкий + глухой → глухой + глухой», «глухой + звонкий → звонкий + звонкий». Например: *косьба* [к^з’ба], *улыбка* [улыпк^].

Эта ассимиляция не происходит перед сонорными и перед «[в] – [в'] + гласный или сонорный», когда в одной позиции могут произноситься и звонкие, и глухие без изменения: *звон* [звón] – *твой* [тво́й], *два* [двá] – *ботва* [бʌтвá]. Позиция «в + шумный» – слабая: здесь происходит ассимиляция: *нож взят* [нож вз'át] – *нож в тарелке* [но́ш ф _ тлр'элк'и]. Озвончатся могут и непарные глухие перед звонкими: *нацгруппа* [нлдзгруппл], *конец был* [кнн'эдз бьл], *ночь длинна* [но́д'ж' дл'ина́], *смех звонкий* [см'эу звóнк'ий], *плащ зеленый* [плáж' з'ил'о́ный].

Признак назализации не вызывает ассимиляцию в русском языке, и сами носовые согласные перед следующим неносовым не меняют своего места образования, в отличие от целого ряда языков. Так, согласные [м, м', н, н'] перед согласными любого места образования остаются соответственно губно-губными или переднеязычными, за исключением описанных выше сочетаний [мв, мв', мф, мф'], например: *хамса* [хлмсá], *мамка* [ма́мкл], *канва* [кнвá], *конфета* [кнф'этл], *скандалит* [склндáл'ит], *манки* [ма́нк'и], *ангар* [лнга́р] и т.д.

Второй тип изменений – **позиционный**, касается признака **глухости-звонкости**. Так называемые парные звонкие согласные всегда теряют признак звонкости, то есть оглушаются, в позиции конца слова перед паузой, где они заменяются соответствующим глухим согласным (*краб* [кра́п], *вдруг* [вдрúк], *склад* [скла́т]). Это не комбинаторный процесс (не ассимиляция), а фонетический закон конца слова [Будник, Логинова 2012: 58–61].

В русском языке встречается также явление, противоположное ассимиляции, – **диссимиляция**, при котором происходит замена одного из двух одинаковых или похожих звуков другим, менее сходным с ним по артикуляционным характеристикам. Для литературного русского языка диссимиляция нетипична, но все-таки это явление можно наблюдать на ряде примеров в сочетании звуков [г] и [к] (*легкий* [л'о́х'к'ий], *мягкий* [м'áх'к'ий]), в котором [г], отличающийся от [к] звонкостью и твердостью, ассимилируется ему по признакам глухости-звонкости и твердости-мягкости, а далее в трудно произносимой смычной геминате [к':] происходит диссимиляция по способу образования, дающая сочетание целевого звука со смычным ([г + к' → к + к' → к'к' → х'к']).

Как мы уже отмечали выше, природа озвончения и оглушения согласных в японском языке отличается от аналогичного процесса в русском языке, поэтому мы хотели бы подробно рассмотреть мнения японских ученых по этому вопросу.

В японской научной литературе для описания рассматриваемого нами явления есть термин **рэндаку** (rendaku), или *последовательное озвучивание*. Как отвечает Х. Кубозоно [Kubozono 2005], одним из самых фундаментальных вопросов японского рэндаку является его

лингвистический характер: это производственный процесс или это не более чем свойство конкретной лексической записи?

Первая гипотеза обращает внимание на производительность рэндаку и определяет его как продуктивный фонологический (или морфофонологический) процесс озвучивания, который допускает лексические исключения [Otsu 1980; Ito, Mester 1986; Kuroda 2002]. С другой стороны, вторая гипотеза фокусируется на чрезвычайно большом количестве лексических исключений и атрибутов рэндаку относительно лексического свойства определенного слова [Ohno 2000].

Одним из наиболее известных условий, относящихся к области *рэндаку*, является так называемый «**Закон Лаймана**», который может быть определен так: рэндаку блокируется в сложном слове [АВ], если В уже содержит дакуон (*dakuon*), или озвученный шумный. Например: а) *aka + huda* → *aka-huda*, **aka-buda* ‘красная метка’; *uwa + huta* → *uwa-buta* ‘верхняя крышка’; *roten + huro* → *roten-buro* ‘открытый, ванна; наружная ванна’; б) *ai + kagi* → *ai-kagi*, **ai-gagi* ‘дублирующий ключ’; *ama + kaki* → *ama-gaki* ‘сладкий, хурма; сладкая хурма’; *umi + kame* → *umi-game* ‘морской, черепаха; морская черепаха’; в) *yama + kazi* → *yama-kazi*, **yama-gazi* ‘лесной пожар’; *wa + kasi* → *wa-gasi* ‘японский пирог’; *temuzu + kawa* → *temuzu-gawa* ‘Темза, река; река Темза’.

Как показывают эти примеры, закон Лаймана представляет собой случай ОСР (Obligatory Contour Principle – принцип обязательного контура), где идентичный элемент или функция не встречаются более одного раза в определенном домене (звуковом отрезке). В рэндаку рассматриваемая функция – [+ голос, + шумный] с соответствующим доменом ОСР является морфемой или вторым членом соединения. Хотя это хорошо известный факт в фонологии японского языка, где есть определенные случаи, когда закон Лаймана требует более крупного домена. Это можно видеть скорее ясно в данных, представленных М. Сугито.

М. Сугито [Sugito 1965] рассмотрел чередование между /ta/ и /da/, показанные морфемой /ta/ ‘рисовое поле’ как она сочетается с двуморной морфемой для формирования личного имени: например, /siba-ta/ и /ima-da/. Это определенная морфема имеет довольно четкую картину чередования, которая более или менее предсказуема для согласного в непосредственно предшествующей море. Результаты анализа М. Сугито могут быть подытожены следующим образом:

1. Морфема обычно реализуется как /da/, когда ей сразу предшествует мора, содержащая либо /s/, /m/, /n/, /t/, либо /k/, а также, когда ей предшествует тяжелый слог, например: *asa-da*, *hama-da*, *sana-da*, *kata-da*, *huku-da*; *soo-da*, *sai-da*, *kan-da*.

2. Морфема неизменно реализуется как /ta/, когда ей предшествует мора, содержащая либо /d/, /b/, /g/, /z/ или /y/, или когда ей предшествует

шумный, входящий в состав моры, например: *kubo-ta*, *kado-ta*, *naga-ta*, *mizu-ta*, *haya-ta*.

3. Морфема преимущественно реализуется как /ta/, но допускает /da/ иногда, когда она предшествует море, содержащей либо /r/, либо /w/, например: *ari-ta* – *hara-da*, *iwa-ta* – *sawa-da*.

Таким образом, общий анализ М. Сугито можно проиллюстрировать следующим образом:

1. Фонотактическое сочетание /da/ предпочтительнее после глухих шумных и носовых и запрещено после звонких шумных, например: *huku-da*, *kasi-da*, *kusu-da*, *asi-da*, *kase-da*, *kaku-da*, *sima-da*, *naka-da* (or *naka-ta*), *kata-da*.

2. Фонотактическое сочетание /ta/ является предпочтительным после плавных, например: *hugu-ta*, *kazi-ta*, *kuzu-ta*, *azi-ta*, *kaze-ta*, *kagu-ta*, *siba-ta*, *kubo-ta*, *naga-ta*, *sugi-ta*, *kado-ta*.

Второе важное условие, которое блокирует рэндаку в японском языке, – это так называемое «ограничение ветвления» ('branching constraint') [Otsu 1980; Kubozono 1988]. Это ограничение можно определить следующим образом: рэндаку блокируется во втором члене разветвляющегося соединения.

Ю. Оцу [Otsu 1980] дает следующие пары, чтобы проиллюстрировать влияние этого ограничения:

1. Правое разветвленное соединение: *nuri* + [*hasi* + *ire*] → *nuri-hasi-ire* ('лакированная, палочка для еды, футляр; чехол для лакированных палочек для еды'); *nise* + [*tanuki* + *siru*] → *nise-tanuki-ziru* ('псевдо, енотовидная собака, суп; суп из псевдо енотовидной собаки).

2. Левое разветвленное соединение: [*nuri* + *hasi*] + *ire* → *nuri-basi-ire* ('лакированная, палочка для еды, футляр; чехол для лакированных палочек для еды'); [*nise* + *tanuki*] + *siru* → *nise-danuki-ziru* ('псевдо, енотовидная собака, суп; суп из псевдо енотовидной собаки').

В первом примере второй член образует морфосинтактическую структуру с третьим, а не первым членом. В соответствии с этой морфосинтактической структурой, озвончение (*rendaku voicing*) блокируется между первой и второй морой, хотя оно не блокируется между второй и третьей морой. Напротив, рэндаку не заблокирован во втором примере, где второй, а также третий элемент могут пройти процесс. Х. Сато [Sato 1989] добавляет следующую пару, чтобы проиллюстрировать этот же эффект: *mon* + [*shiro* + *chyoo*] → *mon-shiro-chyoo*, **mon-ziro-chyoo* ('белый, капустный, бабочка; белая капустная бабочка'); [*o* + *siru*] + *wasi* → *o-ziru-wasi* ('хвост, белый, орел; белохвостый орел').

Реальность ограничения ветвления может быть поставлена под сомнение, несмотря на примеры последних двух абзацев. Для одного случая трудно найти дополнительные примеры, показывающие его эффект.

Составные существительные в примерах Ю. Оцу являются новыми для многих носителей японского языка, которые не обязательно имеют четкое интуитивное знание о наличии или отсутствии озвучивания в парах выражений. Соединения в примерах Х. Сато существуют, но трудно найти больше примеров, демонстрирующих аналогичный эффект. Кроме того, «ограничение ветвления» может быть поставлено под сомнение наличием выражений, которые явно не соответствуют его эффекту. Некоторые из этих контрпримеров: *oo* + [*huro* + *shiki*] → *oo-buro-shiki* 'большой, оберточный, ткань; большая оберточная ткань'; *mati* + [*hi* + *kesi*] → *mati-bi-kesi* 'город, огонь, тушить; пожарная бригада для простых людей'.

Хотя реальность ограничения ветвления может быть подвергнута сомнению, ее можно поддерживать более общими фонологическими соображениями. Х. Кубозоно [Kubozono 1988] показал, что процесс акцентной фразировки, характерный для образования соединений, демонстрирует по существу одну и ту же просодическую асимметрию между правоветвящимися (*right-branching*) и левоветвящимися (*left-branching*) структурами. Это проиллюстрировано ниже, где /' / обозначает лексический акцент и помещается сразу после акцентированной моры. Слова без этой метки – это так называемые безударные слова, которые не требуют резкого падения высоты тона на фонетическом выходе. {} указывает на акцентированную фразу или просодическое слово (PrWd):

1. Правое разветвленное соединение: *do* 'itu + [*bu* 'gaku + *kyookai*] → {*do* 'itu}{*bungaku-kyo* 'okai} 'Германия, литература, ассоциация; Немецкая ассоциация литературы'.

2. Левое разветвленное соединение: [*do* 'itu + *bu* 'ngaku] + *kyookai* → {*doitu-bungaku-kyo* 'okai} 'Ассоциация немецкой литературы'.

В правых ветвящихся соединениях акцентная фразировка блокируется между первым и вторым членами, в результате чего первый член формирует акцентированную фразу, независимую от второго и третьего членов. Напротив, их леворазветвленные соединения не демонстрируют такой акцентный раскол и, следовательно, составляют единую акцентную единицу. Этот контраст между левоветвящимися и правоветвящимися соединениями эквивалентны ситуациям блокировки рэндаку, показанным в примерах Ю. Оцу и Х. Сато. В отличие от случаев озвончения (*rendaku voicing*), в японском языке существуют несколько составных существительных, которые демонстрируют акцентный контраст, как показано выше в примерах Х. Кубозоно.

Более того, правоветвящаяся структура подвержена аналогичному ветвящемуся ограничению на уровне фразы, где формируются интонационные фразы, называемые «второстепенными фразами». Этот постлексический процесс также блокируется в правой ветвящейся структуре, но не в левой ветвящейся структуре [Kubozono 1988]. Все эти

наблюдения показывают, что ограничение ветвления такого типа в примерах Ю. Оцу независимо мотивированны в японской фонологии. Все, что нужно сделать, это определить ограничение в более общей форме.

Ограничение ветвления:

1. Фонологическая унификация блокируется в правой ветвящейся структуре.

2. Фонологическая унификация блокируется между двумя составляющими, А и В, если В не командует А.

Процесс озвончения и оглушения согласных рассматривается японскими фонетистами еще в аспекте влияния моры на рэндаку и представляет не меньший интерес для сопоставительно-типологического описания русского и японского языков.

Подводя итоги всему вышесказанному, хотелось бы отметить, что, судя по инвентарю согласных японского языка, можно было бы предположить наличие большего сходства между русским и японским языками, но, как мы видели выше, в японском языке совсем другая природа озвончения и оглушения согласных, чем в русском языке. Такое контрастное отличие обусловлено, на наш взгляд, тем, что японский язык является мораическим языком вокалического типа, где сохраняется закон открытого слога и, соответственно, нет стечения согласных как в русском языке консонантического типа, не встречается оглушение согласных на конце слова и уподобление глухого согласного звонкому или, наоборот, как в русском языке. Законы озвончения и оглушения действуют в японском языке совершенно иначе.

Библиографический список

Алпатов В.М., Вардуль И.Ф., Старостин С.А. Грамматика японского языка. Введение. Фонология. Супрафонология. Морфонология. М.: Восточная литература, 2000. 150 с.

Будник Е.А., Логинова И.М. Аспекты исследования звуковой интерференции (на материале русско-португальского двуязычия). Монография. М.: МЭСИ, 2012. 162 с.

Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 312 с.

Рыбин В.В. Звуковой строй японского языка: сегментная и супрасегментная фонетика: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.22. СПб., 2011. 403 с.

Сыромятников Н.А. Музыкальное ударение в японском языке // Японско-русский словарь. М.: Русский язык, 1984. С. 693–694.

Ito J., Mester A. The phonology of voicing in Japanese: theoretical consequences for morphological accessibility. *Linguistic Inquiry* 17. 1986. Pp. 49–73.

Kubozono H. Loanword phonology // Shibatani M., Kageyama T. Handbook of Japanese Phonetics and Phonology / Edited By: Kubozono H. Tokyo, 2015. Volume 2. Pp. 313–362.

Kubozono H. Rendaku: Its domain and linguistic conditions // Voicing in Japanese / Edited by J. van de Weijer, K. Nanjo, T. Nishihara. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2005. Pp. 5–24.

Kubozono H. The Organization of Japanese Prosody. Doctoral dissertation, Edinburgh University. 1988.

Kuroda S.-Y. Contrasts in Japanese: a contribution to feature geometry. Paper presented at the 2nd International Conference on Contrast in Phonology, Toronto, May 3, 2002.

Ohno K. The lexical nature of rendaku in Japanese // M. Nakayama and C.J. Quinn, Jr. (eds.) Japanese Korean Linguistics. 2000. Vol. 9. Pp. 151–164. CSLI.

Otsu Yu. Some aspects of rendaku in Japanese and related problems. MIT Working Papers in Linguistics: Theoretical Issues in Japanese Linguistics. 1980. Vol. 2. Pp. 207–227.

Pintér G. The emergence of new consonant contrasts // Shibatani M., Kageyama T. Handbook of Japanese Phonetics and Phonology / Edited By: Kubozono H. Tokyo, 2015. Volume 2. Pp. 121–166.

Sato H. Hukugoogo ni okeru akusento kisoku to rendaku kisoku [Accent and rendaku rules in compounds]. In Miyoko Sugito (ed.) Nihongo no Onsei On'in (The Phonetics and Phonology of Japanese). Tokyo: Meiji Shoin, 1989. Pp. 233–265.

Sugito M. Shibata-san to Imada-san. (Shibata and Imada). In Gengo Seikatu. 1965. Pp. 40–60, 64–72. Reproduced in Miyoko Sugito (1998) Nihongo Onsei no Kenkyu (Studies on Japanese Sounds), Izumi-shoin. Vol. 6. Pp. 3–15.